

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5595237>
УДК 81`25

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕАЛИЙ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Д.У. Юлдашова,
магистрант 2 курса, филологического факультета, спец. «Русский язык и
литература»
Ж.Т. Балмагамбетова,
научный руководитель,
д.ф.н., проф.,
КарУ им. Е.А. Букетова,
Казахстан

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы точности перевода национальных реалий казахского языка. Кроме того, определены основные способы передачи национальных реалий с казахского языка на русский при переводе художественных произведений.

Ключевые слова: национальные реалии, перевод, художественное произведение, способ передачи

Аннотация: Мақалада қазақ тілінің ұлттық болмысын дәл аудару мәселелері қарастырылады. Бұдан басқа, көркем шығармаларды аудару кезінде ұлттық болмысты қазақ тілінен орыс тіліне берудің негізгі тәсілдері айқындалды.

Түйінді сөздер: ұлттық болмыс, аударма, көркем шығарма, беру тәсілі

ON SOME WAYS OF TRANSFERRING THE NATIONAL REALITIES OF THE KAZAKH LANGUAGE IN THE TRANSLATION OF THE ARTISTIC TEXT

D.U. Yuldashova,
2nd year undergraduate student, Faculty of Philology, spec. "Russian language and
literature"
J.T. Balmagambetova,
Scientific Director,
Doctor of Philosophy, Professor,

KarU named after E.A. Buketova,
Kazakhstan

Annotation: The article deals with the issues of the accuracy of the translation of the national realities of the Kazakh language. In addition, the main ways of transferring national realities from the Kazakh language to Russian when translating works of art are determined.

Keywords: national realities, translation, artwork, method of transmission

В последние годы современная наука о языке обогатилась и продолжает обогащаться работами, касающимися соотношения перевода и лингвистики. Уже сегодня можно говорить о сформировавшейся теоретической базе, позволяющей проводить исследования особенностей перевода на достаточно высоком уровне, поскольку в настоящее время проблема эквивалентности, адекватности и гармоничности перевода широко и активно обсуждается в лингвистике, однако комплексный подход к изучению вопросов особенностей перевода художественного текста стал актуальным сравнительно недавно: ведь при переводе имеет место не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур [1], в связи с чем принципиально важным становится необходимость выбора такого способа передачи стилистических средств, при котором у «получателя» будет вызвана сходная эмоциональная реакция [2].

Широко известно, что при переводе национальных реалий переводчик, как правило, сталкивается с целым рядом трудностей, поскольку художественный текст, изначально написанный на языке-оригинале, обладает своими национальными особенностями и характеристиками, которые характерны только для данного народа, практически не может быть в абсолютной точности воссоздан на языке другого народа [3, с. 13]. Без сомнения, автор художественного произведения ориентируется на читательскую аудиторию, говорящую на одном с ним языке, и, как правило, литературное сочинение может содержать описание исторических событий, названия национальных блюд, традиций, а также других культурно-исторических элементов, не находящих эквивалентов в другом языке. В связи с этим вопрос о необходимости учитывать при переводе различия исходного языка и языка перевода в теории перевода остро, определив, таким образом, насущную проблему воспроизводства переводного текста, в котором содержание и форма оригинала воссоздавались бы через языковые средства другого языка.

Так, говоря о переводе художественных текстов, нельзя не сказать о том, что одной из его основных функций является знакомство с культурой

других народов. При этом сам переводчик-билингв представляет собой своеобразную «удвоенную» языковую личность, которая воспринимает иноязычную текстовую деятельность с позиции иноязычного социума, а затем переходит на родной языковой и социокультурный коды в их нерасторжимом единстве.

Как предполагает, например, К.М. Абишева, переводчик в равной (или почти равной) степени владеет как исходной, так и переводящей культурами [4]. Между тем, это далеко не так, и в большинстве случаев переводчик весьма приблизительно оценивает, а, следовательно, и переводит те или иные элементы или целые категории исходного текста в сопоставительно-культурном плане.

В.А. Вернигорова считает, что переводчики старой школы в максимальной степени адаптируют реалии к языку перевода, подбирают эквиваленты в отличие от современной тенденции передачи реалий преимущественно транскрипцией [5].

И. Васева [6] обобщает способы передачи реалий при переводе с одного языка на другой следующим образом:

1. Транскрипция – введение иностранного слова в текст перевода средствами графической системы языка перевода. Обычно реалии, которые широко используются, можно транскрибировать. Неизвестные слова объясняются переводчиком различными способами – сноской в тексте перевода или в кратком словаре в конце текста. Таким образом, реалии становятся маркерами «чужого» в тексте на иностранном языке.

2. Приблизительный перевод: приводятся уточняющие слова в зависимости от контекста.

3. Описательный перевод.

4. Калькирование: перевод отдельных словообразовательных элементов слова. Создание нового слова.

5. Усвоение слова: адаптация слова к системе языка перевода.

Нам представляется интересным определить особенности перевода на русский язык произведений известного казахского писателя Д. Досжанова.

В анализируемых нами произведениях (роман «Шелковый путь», повести «Полюнь и цветы» и «Отырар») национальные реалии передаются различными способами, и это требует дополнительных комментариев.

В результате проведенного исследования, мы можем отметить, что самый частый случай – это транскрипция реалий. Так, например, в тексте художественного произведения национально-культурные реалии осуществляют номинативные и/или стилистические функции. При осуществлении номинативной функции рассматриваемые лексемы в тексте называют национально-специфические вещи и понятия для воспроизведения среды, природы, быта, культуры, истории и т.д., например:

Бұл буылтықты білетіндер «қоян тобығы» деседі, ойдеуінің мәнісі... ілкі қазақта өз тағдырын алдың ала болжағысы келген жігіт қоянның тобығын жұтады-мыс; әлгі жұғылған тобық жеті күннің ішінде белгі береді; не жігіттің шекесінен, не табанынан сүйел құсап томпайып шығуға тиіс. Кісінің шекесінен шықса, оның батыр болғаны, ал табанынан көрінсе, бопсасыз қорқақ болғаны, екінің бірі екен [7] /Существовало поверье: джигит, желающий узнать свою судьбу, должен проглотить заячий альчик, заговоренный волхвами-прорицателями. Через семь дней альчик проявлялся, как знамение рока, в виде нароста на лбу или на пятке. Нарост на лбу означал, что человека ждет счастливая судьба воина и радетеля родной земли. Нарост на пятке говорил, что он трус и презренный раб [8].

Или:

Үні мақамды, сазды шықты, бейне бәдіктің көне қобызындай кейде қашықтап, кейде жақындап кеп құлаққа жағымды сарын құяды [7]. Читал он несколько вразяжку, на особый, «восточный» манер, и эти звуки, то отдаляясь, то нарастая, напоминали печальный и величавый напев древнего кобуза в руках странствующего сказителя [8].

Или:

Сарайдың етегі қыз сәукелесіндей дөңгелек; үлкен биік төбенің үстіне қалыңдықтың үкілі сәукелесі ұмыт қалып, заман өте қыш сарайға айналып кеткен тәрізді [7]. / Словно на высоком зеленом холме юная невеста сбросила свое прозрачное, украшенное перьями филина саукеле [8].

Введение реалии в текст перевода, всегда должно иметь функциональное обоснование. Несомненно, транскрипция зачастую является наиболее оптимальным способом перевода, поскольку передает национальный колорит, однако такой рекомендацией нельзя злоупотреблять, поскольку, как видим, транскрипция неожиданно прерывает текст, отсутствует также объяснение специфики предмета. Транскрипция, как правило, не в любом контексте является уместным способом передачи реалии. Как видим, в переводе анализируемых отрывков в основном сохранена культурологическая информация, передача которой осуществляется посредством транскрибирования. Однако здесь сразу же считаем нужным отметить, что безэквивалентные слова не могут быть поданы без подготовки и какого-либо толкования, так как это, на наш взгляд, затрудняет восприятие читателем текста и говорит об отсутствии прагматической адаптации текста. Более того, обращение к словарям для толкования таких слов могут не дать ожидаемого результата, т.к. словари зачастую передают только смысл реалии, иногда не раскрывая семантические части иноязычного слова. Например, в первом приведенном отрывке нам встречается реалия «альчик», значение которого в сочетании с прилагательным заячий словарные статьи не могут отразить. Так, в Словаре

иностранных слов, вошедших в состав русского языка слово «альчик» толкуется следующим образом: «бабка, надкопытная кость овцы, служит игровой костью ...» [9]. Полный словарь иностранных слов, также определяет слово «альчик» как «игорную надкопытную кость у овец» [10]. В толковом словаре В.И. Даля «альчик» – это «игорная говяжья надкопытная кость, козна, козан, бабка, костыга, шляк, лодыга, баска; лат. Talus [11]. Как видим, при обращении к словарям и относительном понимании того, что же такое альчик, читатель все равно остается в определенном неведении, как соотнести надкопытную кость овцы, применяемую отдельными народами как игральную кость, с прилагательным заячий.

В переводе, на наш взгляд, наблюдается опущение образного выражения заячий и номинативной единицы с культурной коннотацией альчик.

Также и номинативные единицы с культурной коннотацией «джигит», «кобуз» и «саукеле» остаются непереводаемыми, переводчик в отдельных случаях сопровождает их сносками, в которых более или менее раскрывается смысл национальной единицы, причем лексема «кобуз», на наш взгляд, в переводном тексте фонетически далека от лексемы языка оригинала. В данном случае, как нам представляется, был бы более уместным описательный перевод. Как мы понимаем, успешность художественного перевода основана, прежде всего, на умении переводчика передать не только основной смысл содержания, но и отразить глубину творческого замысла.

При восприятии художественного текста смыслообразование, связанное с интерпретацией, определяет характер отношения переводчика к содержанию оригинала. На наш взгляд, в приведенных примерах переводчик не достиг успешности при переводе и даже не попытался адаптировать текст, опустив образную языковую единицу текста-оригинала.

Еще одним, наиболее часто встречаемым в переводных текстах художественных произведений является такой способ, как приблизительный перевод, когда при национальной реалии приводятся уточняющие слова в зависимости от контекста

Мешін жылы Тамыз айында қағанымнан, ұлысымнан айрылдым. Қатыным кара жамылып түл қалды. Ұлдарым жетімек аталды. Жұртым боз інгендей бозадады. Көктегі тәңірім менің, жанымды керек қылды. Содан көз жұмдым. Жарық дүниемен қайыр-хош айтыстым [7]. В год обезьяны, в восьмой месяц, на шестой день потерял я улус – род свой. Жена вдовой осталась, в траур оделась, лицо себе с горя исцарапала. Сыновья осиротели. Верные слуги оплакивали меня, точно одинокая верблюдица – погибшего верблюжонка. Но небесному владыке понадобилась моя душа. И она вознеслась, отлетела. Простился я с суетой сует, которая жизнью земной зовется [8].

Переводчик стремится сохранить культурологическую информацию, передача которой осуществляется также при помощи семантического эксплицирования. Однако переводчику, на наш взгляд, не удалось сохранить смысловую емкость образной единицы, так как он не смог раскрыть ее внутреннюю мотивацию, образную и ценностную составляющие. В основном значение образной единицы на казахском языке передается на русский язык лексемой «род», которая несет в своей основе не только всего лишь нейтральную окраску, но и, на наш взгляд, не совсем точно отражает семантику данной языковой единицы. Так, например, Словарь иностранных слов под редакцией А.Н. Чудинова так интерпретирует значение слова «улус» – ордынский лагерь кочевых народов, собрание жилых хижин, юрт, кибиток [10]. В Словаре Даля мы встречаем следующее истолкование данного понятия: «...у калмыков и сиб. инородцев, собрание жилых хижин, оседлых или кочевых, юрт, кибиток, веж; селенье, табор, башкир., киргиз.и кавк. аул; стойбище, становище; у батыевских татар, аул также назывался улусом, именем монгольским [11].

Кроме того, переводчик использует способ описательного перевода с введением дополнительной информации, например:

Если приглядеться внимательней, то узоры, выложенные из цветных кирпичей, напоминают то плывущие по небосводу облака, то распластавшегося для прыжка тигра. Знающие люди рассказывают, что кирпичи завезли сюда с берега Инжу. Тех, кто делает их, называют кышкерями – кирпичниками...

Қыш құюшыларды қышкер деседі, қышкерлер өзінше бір ру – атам заманнан су бойын жайлап кәсіп қылған Сунақтар. О баста «суы нақ» диканшылар дегеннен шыққан дейді [7]. / Кышкери составляют самостоятельный род сунак, издревле занимающийся этим скромным древним ремеслом. В корне самого слова «сунак» заключен смысл «богатый водой», «обитающий у воды» [8].

Или:

Иланшы Қадырхан ақын жігіттің марайма мінезін танып қалды, бірақ бойына біткен байыпты кеспірі құптаған, я ұнатпаған сыңай байқатпады. Күтуші қыздың көмегімен иығына жамылған мауыты шапанды сыпырып, сол кездегі ғұрып бойынша хандық құқын танытатын етек-жеңі далиған, етегіне жібектен зер салған жадағай астарлы желегін кіді. Өзін осы жолы да желек ішінде ерсі, оғаш сезінді. Қыпшақ қаныңа сіңген жинақы, жорық киімін қалайтын. Амал жоқ, шетел елшілерінің алдында көзге ұрып дабырайып отырғаны мақұл, дәстүр құқы соны тілейді [7]. Иланчик Қадырхан мгновенно заметил это, однако проявил природенную невозмутимость. Непонятно было, то ли одобрял, то ли осуждал он юношу. Служанка стянула с плеч Қадырхана тяжелый шелковый чапан и стала облачать его в просторный

длинный, расшитый золотыми узорами и украшенный драгоценными камнями халат без подкладки, который, по обычаю того времени, был знаком безграничной власти. Правитель, привыкший к седлу, чувствовал себя в нем неловко, неудобно. Он предпочитал удобную, простую походную одежду. Однако перед иноземными гостями следовало предстать во всем блеске. Такова была традиция, и отступать от нее не рещался даже сам всемогущий наместник [8].

Как видим, в данных примерах переводчик эксплицирует подразумеваемую в оригинале информацию, и перевод передает смысл исходного текста только за счет того, что читатель сам домысливает нужную информацию: чапан – своего рода халат, но, возможно, с подкладкой.

В некоторых случаях переводчик заменяет образ сравнения, подобрав, на его взгляд, более приемлемый для восприятия реципиента переводного текста и отражающий в какой-то мере специфические особенности культурных коннотаций казахского языка с доминирующей ролью в них устойчивых сочетаний:

Батыр бабаның шежіресін жақсы жазыпсың! Әуелі тәңірі, сосын мен разымын!..— деді толқып кеткен Иланшы Қадырхан [7] / – Ты хорошо описал ратную жизнь моих доблестных предков. Сначала всевышний, потом я благодарен тебе! – Иланчик Кадырхан был заметно взволнован, однако быстро унял слабую дрожь в голосе [8].

В данном примере, как видим, национальную реалию тәңірі (Тенгри) переводчик заменяет, на его взгляд, более приемлемой для восприятия реципиента переводного текста языковой единицей – всевышний, что, по нашему мнению, не совсем точно отражает специфику верования тюрков описываемых событий –тенгрианство, ведь лексема «всевышний» более подходящая для ислама.

Известно, что в казахском обществе характерной особенностью традиционного социального деления являлась дифференциация индивидов с использованием цветообозначения – на так называемую «белую кость» (ак суйек) и «черную кость» (кара суйек). Для отображения этого социального расслоения переводчик использует перифрастический способ перевода, например:

Он сам был из Хорезма, из племени ходжа – прямой потомок верных соратников пророка. И обида его была понятна: родственная кровь разыграла. Сказано ведь: вода течет в свой овраг, конь спешит в свой косяк...[8].

Как мы понимаем, достоинством такого способа является практически целое раскрытие смыслового содержания лексической единицы языка источника, однако при этом он все же имеет недостаток – объемность, что усложняет формирование определения в сознании иноязычного читателя. Следовательно, некоторые лингвисты подвергают сомнению полезность

этого способа в художественном переводе, выступая против употребления дополнительной информации как в лирических, так и в прозаических произведениях, так как это отвлекает читателя от повествования.

Мы остановились коротко на способах передачи реалий. Эти наблюдения не дают окончательных рекомендаций при выборе того или иного способа для адекватного перевода, так как применение того или иного способа перевода переводчик избирает самостоятельно, исходя из своего профессионализма, это связано с его общей культурной осведомленностью, чувством меры, владением обоими языками т.п.

Следует подчеркнуть, что невозможно сохранить при переводе все элементы оригинала, несущие исторический и национальный колорит. Но, безусловно то, что у читателей перевода должно создаться впечатление об историческом и национальном контексте оригинального произведения.

Можно отметить, что переводчики обычно используют соответствия, которые даны в двуязычных словарях, однако для нужд художественного перевода необходим справочник функциональных соответствий для данной пары языков.

Таким образом, анализ даже сравнительно небольшого количества фактического материала позволил нам сделать некоторые выводы:

- в процессе перевода текстов художественных произведений с казахского языка переводчики лишь иногда прибегают к способам создания отличительного слова и опущению реалий, что показывает стремление сохранить эстетическую значимость лексики текста оригинала;

- тенденция к более четкой передаче предметного содержания казахских реалий, при которой порой получается донести их коннотативное значение, не всегда раскрывается полностью;

- наиболее распространенным способом при переводе текстов художественных произведений на казахском языке является транскрипция и описательный перевод, основной целью которого является ориентация на конкретную ситуацию, что требует от переводчика вносить в текст перевода изменения, необходимые для решения коммуникативных задач, поставленных автором текста оригинала.

Кроме того, результаты проведенного анализа позволяют прийти к выводу, что переводчики склоняются к «форенизации» (отчуждению) как доминирующей переводческой стратегии, т.е. установки для удерживания и осторожного воссоздания языковедческих и культурных специфик оригинального текста, ведь художественный перевод является искусством, которое требует глубокого погружения в лингвокультурный контекст, учет прагматического фактора и фоновых знаний целевой аудитории.

Список литературы

- [1] Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. / Е.В. Бреус. // 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
- [2] Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. / Я.И. Рецкер. // Очерки лингвистической теории перевода. – М.:Р. Валент, 2010. 244 с.
- [3] Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- [4] Абишева К.М. Основы теории и практики перевода. / К.М. Абишева. – Астана: Туран-Астана, 200. 272 с.
- [5] Вернигорова В.А. Осмысление реалии в подлиннике и переводе. / В.А. Вернигорова. // Болгарская русистика. – 2014. № 4. 12 с.
- [6] Васева И. Теория и практика на перевода. / И. Васева. – София, 1980. 123-124 с.
- [7] Досжанов Д. Шелковый путь. [Электронный ресурс]. – URL: <https://libking.ru/books/short-story/513570-14-dukenbay-doszhan-shelkovyuy-put.html#book>. (дата обращения: 20.09.2021).
- [8] Досжанов Д. Шелковый путь. [Электронный ресурс]. – URL: [https://kitap.kz/book/2444/read#epubcfi\(/6/4\[id2\]!/4/22/1:586\)](https://kitap.kz/book/2444/read#epubcfi(/6/4[id2]!/4/22/1:586)). (дата обращения: 20.09.2021).
- [9] Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. / Ф. Павленков. // 2-е изд. – С.-Петербург: Типография Ю.Н. Эрлих, 1907. 714 с.
- [10] Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. – М., 1910.
- [11] Толковый словарь Даля. / В.И. Даль. – М., 1863-1866.

Bibliography (Transliterated)

- [1] Breus E.V. Fundamentals of Theory and Practice of Translation from Russian into English: Textbook. / E.V. Breus. // 2nd ed., Rev. and add. M.: Publishing house URAO, 2000. 208 p.
- [2] Retsker Ya.I. Translation theory and translation practice. / ME AND. Retsker. // Essays on the linguistic theory of translation. M.: R. Valent, 2010. 244 p.
- [3] Komissarov V.N. Translation theory (linguistic aspects): textbook. / V.H. Komissarov. M.: Higher. shk., 1990. 253 p.
- [4] Abisheva K.M. Fundamentals of the theory and practice of translation. / K.M. Abishev. – Astana: Turan-Astana, 200. 272 p.

[5] Vernigorova V.A. Comprehension of reality in the original and translation. / V.A. Vernigorov. // Bulgarian Russian Studies. 2014. No. 4. 12 p.

[6] Vaseva I. Theory and practice on translation. / I. Vaseva. Sofia, 1980. 123-124 p.

[7] Doszhanov D. Silk Way. [Electronic resource]. – URL: <https://libking.ru/books/short-story/513570-14-dukenbay-doszhan-shelkovyuy-put.html#book>. (date of access: 20.09.2021).

[8] Doszhanov D. Silk Way. [Electronic resource]. – URL: [https://kitap.kz/book/2444/read#epubcfi\(/6/4\[id2\]!](https://kitap.kz/book/2444/read#epubcfi(/6/4[id2]!) (date of access: 20.09.2021).

[9] Pavlenkov F. Dictionary of foreign words included in the Russian language. / F. Pavlenkov. // 2nd ed. St. Petersburg: Yu.N. Ehrlich, 1907. 714 p.

[10] Dictionary of foreign words included in the Russian language. / Comp. ed. A.N. Chudinov. – M., 1910.

[11] Dahl's Explanatory Dictionary. / IN AND. Dahl. – M., 1863-1866.

© Д.У. Юлдашова, 2021

Поступила в редакцию 17.09.2021

Принята к публикации 5.10.2021

Для цитирования:

Юлдашова Д.У. О некоторых способах передачи национальных реалий казахского языка при переводе художественного текста // Инновационные научные исследования. 2021. № 10-1(12). С. 224-233. URL: <https://ip-journal.ru/>